

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2002 г.

DICTYS CRETENSIS

EPHEMERIS BELLI TROIANI

ДИКТИС КРИТСКИЙ

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии

В.Н. Ярхо

Книга третья*

1. Между тем в течение всей зимы греки, пользуясь по условиям договора передышкой в войне, с величайшим напряжением и стараниями торопились со всем, чего требует при таком отдыхе военное дело. А именно, в пределах вала все воины упражнялись по указанию вождей, каждый по-разному, в своей манере. Одни метали только что изготовленные копья, не уступающие друг другу по размеру и весу; у кого не было обожженных кольев, те целый день состязались между собой в стрельбе из лука, другие пользовались камнями¹. Среди лучников особенно выделялись Улисс, Тевкр, Мерион, Эпий, Менелай. Однако вне всякого сомнения, всех их превосходил Филоктет, владелец стрел Геркулеса, достойный удивления в меткости стрельбы. А троянцы вместе со вспомогательными отрядами, не слишком приверженные военному делу и не заботясь о состоянии войска, проводили время более беспечно, и часто те и другие, нисколько не опасаясь козней, приносили Фимбрейскому Аполлону молитвы, сопровождаемые обильными жертвами. Примерно в эти же дни приходит известие, что почти все города Азии отложились от Приама и проклинают дружбу с ним, ибо у всех народов и племен после примера, данного преступлением Александра, возникло подозрение в надежности связей гостеприимства с троянцами; вместе с тем стало известно, что из всех сражений греки выходят победителями, и в настроениях многих городов произошли изменения; так, наконец, возникла тяжкая ненависть к сыновьям Приама и его царству².

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 2002. № 1. С. 239–251; № 2. С. 246–260.

¹ Пользовались камнями. – Т.е. упражнялись, бросая в цель камни.

² Отказ окрестных с Троей городов от союзных с ней отношений не находит подтверждения в традиции.

2. Как-то в один из дней, когда Гекуба в Трое приносила моления Аполлону, туда с немногими спутниками пришел Ахилл посмотреть на торжественную церемонию. Вместе с Гекубой было там много матрон, жен старейшин и ее сыновей, часть которых оказывала почет и послушание царице, остальные под благовидным предлогом молились, чтобы испросить что-либо для себя. Поликсена и Кассандра, незамужние дочери Гекубы, возносили мольбы Минерве и Аполлону в качестве жриц, увенчанные незнакомым нам варварским убором, с распущенными волосами, а Поликсена при этом еще и подготовила жертвоприношение. Ахилл, случайно обратив взор на Поликсену, был поражен красотой девы³. Он уходит к кораблям с беспокойной душой и с растущим час от часу желанием. Спустя несколько дней, когда любовь все больше усиливалась, он призывает Автомедонта, открывает ему душу и, наконец, просит пойти к Гектору ради девы. Гектор же велит сказать, что выдаст сестру замуж за Ахилла, если тот предаст ему все войско.

3. Вслед за этим Ахилл обещает прекратить войну, если за него отдадут Поликсену. Тогда Гектор: пусть поклянется, что выдаст войско, или убьет сыновей Плисфена и Аякса; иначе он и слышать ничего не хочет об этой сделке. Когда Ахилл узнал это, то, обуянный гневом, восклицает, что убьет Гектора в первом же сражении, как только возобновится война. Затем он, пораженный душевным смятением, бросается туда-сюда, однако, наконец, задумывается, до каких же пор все это может продолжаться. Автомедонт, видя, как он мечется в душе, а страсть со дня на день все больше разгорается, как он проводит ночь вне палатки, и боясь, как бы он не сделал чего-нибудь с собой или с упомянутыми царями, открывает все Патроклу и Аяксу. Они проводят время с Ахиллом, делая вид, что ни о чем не слышали. Он же, через некоторое время опомнившись и призвав Агамемнона и Менелая, открывает им свои чувства. Все советуют ему, чтобы вел себя разумно, поскольку вскоре станет господином той, которой не добился просьбами. Этот довод тем более заслуживал доверия, что у троянцев возникли осложнения: все города Азии, прокляв дружбу с Приамидами, предлагали нам помощь и союзничество в войне. Наши вожди благосклонно отвечали им: у нас достаточно войска и нет нужды в дополнительных отрядах, а предлагаемую дружбу, конечно, принимают сообразно с рвением каждого. Так отвечали, разумеется, потому, что верность непостоянна, намерения азиатов мало испытаны, и такая в них перемена казалась сопряженной с обманом.

4. И вот, по прошествии зимних месяцев, наступает весна, когда греки, велев всем вооружиться, подали сигнал к началу военных действий и скоро выстраивают выведенное в поле войско; то же самое без промедления делали троянцы. Итак, когда построенные с обеих сторон войска стали наступать друг на друга и сблизиться меньше, чем на расстояние броска копья, все, подбодряя друг друга, вступили в рукопашную, при том что посередине выставили конных, которые столкнулись первыми. Тогда впервые наши и вражеские цари, взойдя на колесницы, вступили в войну, взяв себе каждый возницу, чтобы правил лошадьми. И первым из всех Диомед, налав на царя пеонов Пирехма, поразил его ударом копья в лоб, а затем, когда остальные, которых царь за их доблесть взял с собой в качестве телохранителей, сплотились и отважились на сопротивление, он часть их издали поверг копьем, других же раздавил, направив на них колесницу⁴. За ним Идомей, приставив к лошадям Меридона, поверг фракийского царя Акаманта, настиг его при падении копьем и так убил. Когда Гектор, находившийся в другой части поля, увидел, что центр рассыпается, а там, где он воевал, расположены достаточно свежие силы, он примчался на помощь к тесным, взяв с собой Главка, Деифоба и Полидаманта. Нет сомнения, что эта часть врагов была бы уничтожена упомянутыми царями, если бы Гектор своим появлением не помешал нашим продвигнуться вперед, а своим – обратиться в бегство. Так греки, не допущенные до убийства оставшихся, сплотив ряды, стояли против вновь прибывших.

5. Когда всему войску вскоре стало известно о сражении в этой части поля, туда стекаются отовсюду остальные вожди, отважно сражавшиеся там, где стояли. Строй сплывается с обеих сторон, и битва возобновляется. Гектор, видя, что численностью превосходит противника, поднимает дух воинов. В весь голос обращаясь к каждому из своих, побуждает смелее сражаться с врагами; сам же, выступив вперед, ранит сражавшихся достойно элейцев Диора и Поликсена. Ахилл, завидев его среди врагов, тотчас бросается на помощь противостоящим Гектору и рьяно выступает против него, памятуя о недавнем отказе Поликсены. Вступив

³ О возникшей в эллинистическое время версии о «романе» Ахилла и Поликсены см. в комментарии Сервия к «Энеиде» Вергилия (III. 321): «Когда Ахилл воевал у стен Трои, он увидел Поликсену, влюбился в нее и условием заключения мира выставил бракосочетание с ней. Другие говорят, что Ахилл полюбил ее, когда она сама явилась к нему с отцом, чтобы выкупить тело Гектора». См. ниже, гл. 20, 24.

⁴ Гомеровским вождям колесница служит, чтобы доставлять их на поле боя (ср. ниже, гл. 6); у Диктиса, как видно, они могут сражаться, не сходя с колесницы.

в схватку, Ахилл сражает вставшего на его пути пафлагонца Пилемена, родственника Приамидов. Говорили, что он происходил от тех, кто, по преданию, вел свой собственный род от Финея, сына Агенора; дочь же Финея Олизону, когда повзрослела, взял в жены Дардан⁵.

6. Впрочем, Гектор, заметив, как Ахилл стремится к нему, чтобы сразиться, и понимая причину его ненависти, не отважился встретить натиск врага и скрылся из боевого строя. Тогда Ахилл, следуя за ним в строю врагов, в конце концов убил ударом копья возницу Гектора, после того как тот бежал на оставленной на краю поля колеснице⁶. Досадуя, что из рук его вырвали злейшего врага, Ахилл начинает свирепствовать еще сильнее; вырвав копьё из тела возницы, он уничтожает встречных и нападает на других, повергая их и попирая ногами. В то время как все бежали, объятые страхом, Гелен, найдя потаенное уязвимое место, неожиданно издала пронзает руку Ахилла⁷. Так в этот день перестал сражаться раненный из засады выдающийся воин, при появлении которого бежал перепуганный Гектор, а часть его соратников погибла вместе с вождями.

7. Между тем Агамемнон вместе с двумя Аяксами, перебив в другом месте сражения неведомых им людей, губят многих сыновей Приама: Агамемнон – Эсака, Деиопита, Архемаха, Лавдока и Филенора, а Аякс Оилеев и Аякс Теламонов – Милия, Астиноя, Дорикла, Гиппофоя и Гипподаманта⁸. В следующем месте битвы Патрокл и Сарпедон, удерживающие фланги без подкрепления, выступив по условленному сигналу из строя для единоборства, одновременно мечут копья, которые никому не причиняют вреда. Они отступают к колесницам, хватают мечи и устремляются навстречу друг другу. Так они провели большую часть дня, неоднократно нападая и сталкиваясь, но избегая ранений, когда, наконец, Патрокл, действуя более решительно и прикрываясь щитом, нападает на Сарпедона, обхватив его, и ударяет правой рукой сзади колена; раненого врага Патрокл опрокидывает навзничь и убивает при падении⁹.

8. Увидев это, стоявшие рядом троянцы начинают громко кричать и по сигналу всеми оставшимися силами обращают оружие против Патрокла, решив после гибели Сарпедона завязать общую битву. Но Патрокл, предвидя натиск врагов, быстро хватается лежащее на земле копье и, укрывшись щитом, стойко отражает их нападение. Бросавшегося вперед Деифоба он поражает копьем в берцовую кость и вынуждает того покинуть строй, сразив еще ранее его брата Горгифона. Немного погодя, с приходом Аякса, разбегаются и остальные, когда появляется Гектор, уведомленный о случившемся, и быстро восстанавливает нарушенный строй, браня вождей и возвращая бегущих. При его появлении воины приободряются духом, и сражение разгорается. Сходятся войска, ведомые прославленными вождями, то наступая, то отступая; туда, где строй колеблется, устремляются подкрепления. Между тем, многие воины погибают, а удача в битве не склоняется ни на одну из сторон. После того, как воины, проведя весь день в напряженной схватке, падают от усталости, к вечеру по обоюдному согласию битва прекращается.

9. Тогда все в Трое, особенно женщины, оплакивают тело Сарпедона, наполняя все вокруг воплями и стенаниями, причем горечь утраты настолько глубоко проникает в сердце, что ей даже уступает другая жесточайшая потеря – гибель Приамидов. Столь великой казалась защита этого мужа, что с его гибелью иссякла последняя надежда. Греки же, вернувшись в лагерь, прежде всего навещают Ахилла и, справившись о ране, отмечают с радостью, что она не причиняет боли; затем заводят рассказ о славных деяниях Патрокла, и под конец обходят по очереди всех раненых. Навещив всех, расходятся по своим палаткам. Тем временем Ахилл воздает хвалу вернувшемуся Патроклу¹⁰ и побуждает его к дальнейшим подвигам в ходе войны. На рассвете все собирают тела погибших, предают огню, затем хоронят. Но по прошествии нескольких

⁵ *Взял в жены Дардан.* – Женой Дардана обычно считают Бат(и)ею, дочь первого царя Троицы Тевкра (не путать с Тевкром, сводным братом Аякса!).

⁶ Ситуация не вполне понятная: по-видимому, Ахилл настиг колесницу Гектора с оставленным при ней возницей, в то время как сам Гектор воспользовался какой-то другой.

⁷ О вмешательстве *Гелены* и ранении Ахилла традиции ничего не известно, кроме упоминания у Птолея Гефестиона. См. *Фотий*. 150b. Бегство *перепуганного Гектора* является реминисценцией из «Илиады» (XXII. 136–201).

⁸ Из названных здесь имен большинство встречается в перечне сыновей Приама у Аполлодора (III. 12, 5). *Филенор*, возможно, соответствует Филемону; имя *Астиноя* носит у Аполлодора, как и у Гомера, другой персонаж, не сын Приама.

⁹ Иначе – в «Илиаде» (XVI. 462–505).

¹⁰ *Вернувшемуся Патроклу.* – Согласно традиции, Патрокл погибает вслед за Сарпедоном, не выходя из боя: Ил. XVI. 684–857; *Аполлод.* Эпит. IV. 6.

дней, когда раны затягиваются, возникает стремление подготовить вооружение и вывести войско.

10. Но варвары, согласно мерзкому обычаю действовать без договоренности и не желая ничего иного, как вызвать переполох и устроить засаду, выйдя потихоньку раньше времени, предваряют начало сражения. Рассыпавшись по сторонам, как при обвале, поднимают неслыханный крик и бросают копья в противника, еще безоружного и не занявшего строй. Так они убивают многих из наших, среди которых беотиец Аркесилай и Схедий из криссейцев, оба – славные командиры; некоторых ранят, в их числе Мег и Агапенор, один – владыка на Эхинадах, другой – в Аркадии. При таком позорном повороте дела выступает Патрокл, пытаясь переломить военное счастье; побуждая своих и приблизившись к врагам ближе, чем положено в бою, он падает, поверженный ударом копья Евфорба¹¹. Примчавшийся тотчас Гектор прижимает распластанное тело к земле и пронзает его несколько раз подряд, а затем стремится унести с поля боя, чтобы обесславить всевозможным образом, – разумеется, желая надругаться над ним с присущим его племени высокомерию. Лишь только об этом узнает Аякс, он подбегает, оставив место, где сражался, и прогоняет копьем троянца, который уже начал вытаскивать тело. Между тем Евфорб, виновник убийства Патрокла, испытывает яростное нападение Менелая и другого Аякса, расплачивается за содеянное собственной смертью. С наступлением вечера сражение, в котором polegло к нашему позору много воинов, прекращается.

11. После того как оба войска были отведены и наши находились в безопасности, все цари приходят к Ахиллу и застают его в слезах с истерзанным печалью лицом¹². Простершись на земле и обнимая труп, он так взволновал души пришедших, что даже Аякс, стоя вблизи и утешая его, не удержался от скорбного возгласа. Не столько гибель Патрокла вызвала эти стенания, сколько напоминание о ранах, полученных в постыдные части тела; тем самым был дан худший пример, чего прежде у греков не водилось в обычае¹³. Итак, наконец, склонившегося к земле Ахилла цари поднимают уговорами и всякого рода утешениями. Тело Патрокла омывают и заворачивают, чтобы прикрыть, в основном, многочисленные раны, на которые нельзя было смотреть без содрогания.

12. По свершении этого Ахилл предупреждает, чтобы стража заботливо несла службу, дабы не нагрянул никакой враг, пока наши по заведенному обычаю заняты похоронами. Распределив между собой обязанности, все ночевали с оружием у разведенных костров. Рано поутру было решено, что пятеро вождей отправятся на гору Иду рубить лес для погребального костра Патрокла, поскольку единодушно решили устроить ему всенародные похороны. Итак, идут Иалмен, Аскалаф, Эпий и Аякс Оилейд с Мерноном. Сразу же Улисс и Диомед отмеряют место для костра в пять копий длиной и столько же в поперечнике. Из привезенного леса воздвигают костер, на него кладут покойника в дорогих одеждах, и сжигают его. О том, чтобы обрядить тело, позаботились Гипподамия и Диомедея, ибо к Диомедею юноша питал самые нежные чувства.

13. Несколько дней спустя, когда вожди отдохнули от трудностей караульной службы, на рассвете выводят войско в поле и держат весь день в боевой готовности, ожидая появления варваров. А те, видя со стен, что наши готовы к бою, в этот день уклоняются от сражения. С заходом солнца наши вернулись к кораблям. Чуть забрезжила заря, как троянцы, рассчитывая застать греков врасплох, нагло и безрассудно, как всегда, высыпают в полном вооружении из ворот и, напирая на вал, наперебой мечут копья – без особого ущерба для наших, научившихся уклоняться от таких бросков. Когда варвары, весь день метавшие копья и из-за этого уставшие, нигде не обнаруживают превосходящего их противника, наши врываются с одной стороны и, набросившись на врагов, обращают в бегство их левое крыло. Немного позже наши без особого труда вынуждают к бегству варваров, отказавшихся от боя, и на другом крыле.

14. В конце концов многие из варваров, обратившихся в бегство, под натиском преследующих с позором подобно безучастным в бою погибают, и в их числе Асий, сын Гиртака, цари ларисейцев Пилей с Гиппофоем и царь Сеста Асий. В этот же день Диомед берет в плен

¹¹ Поскольку Патрокл в изображении Диктиса гибнет в обычном бою, опрометчиво выйдя из рядов, автор опускает очень важный момент в эпической традиции: первый удар Патроклу наносит Аполлон, иначе, вопреки судьбе, в этот день была бы взята Троя (Ил. XVI. 786–804).

¹² *Истерзанным печалью*. – Т.е. с разодранными в знак печали щеками.

¹³ *Не водилось в обычае*. – Странная логика: и здесь раны в *постыдные части тела* нанесли не греки, а троянцы, т.е. варвары.

двенадцать, Аякс – сорок человек. Захвачены были также сыновья Приама Пис и Евандр¹⁴. Из греков в этой битве был убит царь кифийцев Гуней¹⁵, ранен наш вождь Идомений. В остальном, когда троянцы, укрывшись за стенами, заперли ворота, и предотвратили нападение, наши, помня о варварском бесчестии в отношении Патрокла и совлекши доспехи с вражеских трупов, сносят их вместе и бросают в реку; затем, кто кого взял в плен, всех по очереди представляют Ахиллу. А тот уже собрал останки Патрокла в урну, загасив вином тлеющий пепел, так как решил в душе забрать его с собой в отчужденную землю или, если судьба распорядится иначе, лечь в одну могилу с самым дорогим для него человеком. Пленников и вместе с ними сыновей Приама велит отвести к костру и заколоть немного поодаль от пепелища, – разумеется, в качестве жертвы манам Патрокла. И тотчас тела царевичей он бросает на растерзание собакам и заявляет, что перестанет спать на земле не ранее, чем отомстит виновнику горя его кровью.

15. Спустя несколько дней вдруг становится известно, что Гектор в сопровождении небольшой охраны отправился встречать Пенфесилею. Эта царица амазонок, от роду воинственная и неукротимая по отношению к соседям, славящаяся пышным доспехом, привлеченная то ли вознаграждением, то ли желанием воевать, прибыла на помощь Приаму. Тогда Ахилл, взяв с собой верных людей, спешно укрылся в засаде и опередил врага, не подозревавшего об опасности; когда тот переправлялся через реку, Ахилл на него напал. Так он убил царевича и всех его спутников, не ожидавших от врага такой хитрости. А одного из схваченных сыновей Приама, отрубив ему тут же руки, отправляет в город сообщить о происшедшем. Сам же, ожесточенный убийством ненавистнейшего врага и терзаемый воспоминанием о своем горе, снимает с него доспехи и за ноги привязывает тело к колеснице, всходит на нее и велит Автомедонту погонять коней. Так, пустив колесницу по полю, на котором ее было видно отовсюду; Ахилл мчится, волоча по земле тело врага и демонстрируя недостойное наказание.

16. Когда со стен Трои увидели доспехи Гектора, выставленные греками по приказу Ахилла на виду у врагов, и отосланный царем сын Приама рассказал о происшедшем, такие по всему городу раздалась горестные вопли, что даже птицы, говорят, падали с небес, сраженные криком, в то время как наши отвечали им шумным глумлением. В Трое со всех сторон запирают ворота. Оскверняется вид царства¹⁶, и лик города покрывается, как положено, горестным трауром. Как обычно бывает при таком известии, люди в страхе собираются в одном месте и сразу же без всякой причины расходятся по сторонам. То слышатся частые рыдания, а то по всему городу воцаряется звенящая тишина. В этой обстановке некоторые выражают опасение, что ночью греки пойдут на штурм и разрушат город, защищаемый только стенами после гибели столь славного вождя; другие твердили, что Ахилл присоединил к своему войску Пенфесилею, которое шло на помощь Приаму, и таким образом окончательно разгромил и подкрепления; с гибелью Гектора троянцы лишились всякой надежды на спасение, потому что только один он в этом городе победоносно сражался против стольких тысяч полководцев и всевозможных врагов. И хотя он был знаменит в народе воинской славой, никогда, однако, сила не преобладала в нем над здравым умом¹⁷.

17. Между тем, у греков, когда Ахилл вернулся к кораблям и выставил на всеобщее обозрение тело Гектора, печаль, которой люди были охвачены незадолго до этого из-за гибели Патрокла, сменяется радостью после гибели внушавшего страх врага. И тогда все решают в честь того, что прошел страх перед врагом, отпраздновать это событие играми с общепринятым единоборством. Тем не менее народ, собравшийся посмотреть на состязания, а не участвовать в них, был вооружен и находился в боевой готовности, – разумеется, чтобы не напали по своему обычаю коварно враги и не испортили праздник. Итак, Ахилл предлагает установить для победителей достойные их награды. После того, как все было использовано, он приглашает вождей занять места, и садится сам, выделяясь среди всех. Победителем в беге колесниц на четверке провозглашается Евмел, на парной запряжке награды устывается Диомед, вторым после него – Менелай.

18. Далее, для состязания лучников, в котором выделялись Мерион и Улисс, ставят два шеста; между ними наверху натягивают тончайшую нить, а посередине подвешивают на шнуре голубку. Суть состязания в том и состояла, чтобы попасть в нее. Пока участники понапрасну

¹⁴ Пис и Евандр. – Евандра называет среди сыновей Приама Аполлодор (III. 12. 5), имя Писа носят в традиции совершенно другие персонажи.

¹⁵ Гуней был раньше (I. 17) назван предводителем перребов.

¹⁶ Оскверняется вид царства. – Т.е., люди осыпают головы прахом, раздирают себе щеки и т.д.

¹⁷ Сила не преобладала над здравым умом. – Очевидная полемика с той ситуацией в «Илиаде» (XVIII. 284–313), где Гектор оставляет троянцев в поле вопреки совету Полидаманта и тем обрекает многих на гибель.

прилагали старания, Улисс с Мерионом поразили цель, и все стали возносить им хвалу, тогда Филоктет пообещал попасть стрелой не в голубку, а в шнур, на котором она была подвешена. Цари подивились трудности задачи, однако Филоктет сдержал обещание не столько благодаря удаче, сколько искусному мастерству: нить была перебита, и голубка упала при всеобщем восхищении народа. Награды в этом состязании получили Мерион и Улисс, Филоктета же Ахилл награждает в чрезвычайном порядке двойным даром¹⁸.

19. Среди соревнующихся в беге на большой дистанции первенствует Аякс Оилеев, второй после него – Полипет. Победителями выходят в беге на короткое расстояние – Еврипил, на двойное – Махаон, в прыжках – Глеподем, в метании диска – Антилох. Неприсужденной осталась награда за борьбу, потому что Аякс, схватив Улисса поперек тела, бросает его наземь, но тот, падая, оказывается между его ногами и с силой обхватывает их, так что Аякс стремительно падает на землю, едва не став победителем. В кулачном бою и прочих состязаниях в рукопашную тот же Аякс Теламонов одерживает победу. Наконец, в беге в доспехах всех превзошел Диомед. Затем, когда награды состязавшимся были розданы, Ахилл предлагает один из самых почетных даров Агамемнону, другой Нестору, затем – Идоменею, после них – Подалирию, Махаону и остальным вождям в соответствии с их заслугами, напоследок – соратникам павших в бою. Им он поручает, когда представится случай, отослать дары их близким. С наступлением вечера и завершением состязаний и после раздачи наград все разошлись по своим палаткам¹⁹.

20. А на рассвете Приам, которому скорбь не позволяла надеть ни царскую одежду, ни какую-либо другую, достойную его имени и славы, покрывшись траурным платьем, пришел к Ахиллу, умоляя его жестами и выражением лица; с ним вместе – Андромаха, достойная сочувствия не менее, чем Приам. Всячески себя истерзав²⁰, в сопровождении двух малолетних сыновей (Астианакта, которого некоторые называли также Скамандрием, и Лаодаманта²¹), она присоединяла свои мольбы к мольбам Приама, который, ослабев от горя и старости, опирался на плечо своей дочери Поликсены²². Далее следовали повозки, полные золота, серебра и драгоценных одежд, в то время как троянцы со стен наблюдали за свитой царя. При появлении его среди греков неожиданно воцаряется удивительная тишина и вскоре навстречу ему выходят цари, жаждущие узнать о причине его прихода. Когда Приам видит, что они направляются к нему, тотчас осыпает лицо и голову прахом и всяким сором, а затем просит, чтобы они, сжалившись над его участью, сопроводили его к Ахиллу в качестве просителей. Нестор, помня о возрасте и участи Приама, сострадает ему, Улисс, напротив, нападает с бранью и напоминает, что тот в канун войны говорил на совете в Трое послан²³. Когда Ахилл известил обо всем, он через Автомедонта велит привести Приама, а сам держит за пазухой урну с останками Патрокла.

21. Итак, когда наши вожди вошли вместе с Приамом, царь, обняв колени Ахилла: «Не ты, – говорит, – являешься причиной такой моей судьбы, а кто-то из богов, который в моем преклонном возрасте, достойном сострадания, довел меня, уже истомленного и ослабленного плечом по сыновьям, до такого несчастья. Ведь они, по молодости уверенные в прочности царской власти, всегда стремясь любым способом удовлетворить желания души, приутожили гибель себе и мне. Без сомнения, у юных великовозрастные старики вызывают презрение. Поэтому, если с моей гибелью другие узнают меру подобного поведения, я предоставляю себя, если угодно, смертной казни: несчастный, подавленный и истомленный горем из-за бедствий, я явлю людям самое жалкое зрелище, когда ты лишишь меня последнего слабого дыхания. Вот я здесь, ни о чем не прошу, если хочешь, отдай меня под стражу как пленника. Я полностью лишился былого счастья, потому что с гибелью Гектора рухнула основа царства. Но, если

¹⁸ В «Илиаде» (XXIII. 850–883) Филоктет еще не может принимать участия в состязании, а соревнуются Тевкр и Мерион. Первый стрелой перерезает шнур, второй поражает в воздухе освободившуюся от привязки голубку.

¹⁹ Ср. описание погребальных игр в честь Патрокла – Ил. XXII. 262–897.

²⁰ Себя истерзав. – Ср. прим. 16.

²¹ В «Илиаде» (VI. 402 сл.) Скамандрием называет своего сына Гектор, а Астианактом – троянцы. Обычно считается, что он и был единственным сыном у Гектора и Андромахи. Лаодамант – фигура неясная, не говоря уже об остальных сыновьях Гектора, которых Диктис упоминает ниже: III. 21; V. 13, 16; VI. 12.

²² Появление Приама в сопровождении двух женщин было, по-видимому, впервые изображено у Птолемея Гефестияна (см. пересказ Фотия, 151b). Совсем иначе у Конона. 46 (там же, 140b).

²³ Говорил послан. – См. выше, I. 6, 12. Участие вождей во встрече Приама с Ахиллом не находило поддержки в традиции.

я кровью сыновей и своим горем уже уплатил Греции достаточную пеню за злонамеренные помыслы близких, то сжался над моим возрастом и, вспомнив богов, обрати душу к состраданию: отдай умоляющим детям не живого отца, а хоть его тело. Вспомни своего отца, посвятившего всю заботу и попечение тебе и твоему благу. Пусть хоть у него все свершится по его воле и свою старость он проживет по-иному, чем я».

22. Так говоря, он понемногу слабеет духом, перестает владеть телом и окончательно умолкает; это невыносимо жалкое зрелище порождает боль у всех присутствующих. Затем Андромаха простирает перед Ахиллом малолетних сыновей Гектора и сама с горьким плачем молит, чтобы ей было разрешено хотя бы взглянуть на тело супруга. В этих столь прискорбных обстоятельствах Феник поднимает Приама и побуждает его вернуть себе присутствие духа. Тогда царь, немного придя в себя, преклонив колена и ударяя руками по голове: «Где, – говорит, – то истинное милосердие, которое было присуще грекам? Или оно не простирается только на Приама?»

23. Всех уже охватила скорбь, когда Ахилл сказал, что с самого начала Приаму следовало удерживать сыновей от допущенного ими проступка и самому, попустительствуя им, не становиться соучастником преступления. Десять лет тому назад он, во всяком случае, не был настолько изнурен старостью, чтобы вызвать презрение близких, однако их души охватило стремление завладеть чужим добром, причем не только женщиной, но и богатствами Атрея и Пелопа, что было совершенно недопустимым. В высшей степени справедливо, чтобы они понесли за это тяжкое наказание. Следуя обычаю военного времени, греки отдают тела врагов, сколько бы их не истребила битва, для погребения, но Гектор, нарушив принятый людьми обычай, дерзнул похитить из битвы тело Патрокла – конечно, ради издевательства и осквернения; этот позор необходимо смыть карами и муками, чтобы греки, а после них и другие народы, вспоминая о месте, не нарушали установленный людьми обычай. Отнюдь не ради Елены или Менелая войско, оставив дома и малых детей, проливает свою и вражескую кровь, терпит лишения во время войны; оно желает установить, варвары или греки обладают первенством, хотя причиной начавшейся войны стала женщина. Ведь, насколько сами троянцы радовались чужому добру, настолько горевали те, которые его потеряли. Эти слова Ахилл сопровождает злоречивыми проклятиями и утверждает, что после взятия Илиона он добьется кровавой расплаты от той, ради которой Патрокл, потеряв родину и родителей, лишился даже успокоения в своем одиночестве²⁴.

24. Затем следует совет с вождями. Все они сходятся в том, чтобы Ахилл, приняв все, что приезжено, выдал бездыханное тело. Поскольку все с этим согласились, расходятся по своим палаткам. Вскоре Поликсена, обняв колени вошедшего Ахилла²⁵, обещает ему отдать себя добровольно в рабство в обмен на выдачу тела. Юноша до такой степени взволнован этим зрелищем, что, хоть он и стал злейшим врагом Приаму и его царству из-за гибели Патрокла, однако при воспоминании о сыне и отце не в состоянии удержать слез. Взяв за руку Поликсену, он поручает заботу о ней Фенику, как это было сделано ранее в отношении Приама. Царь, однако, говорит, что не избавится от печали и теперешних бед. На это Ахилл заявляет, что пойдет навстречу ему не прежде, чем тот, успокоившись духом, отведает вместе с ним пищи. Тогда царь, опасаясь отказом помешать исполнению обещанного, решил со смирением принимать все, что велят.

25. После того как отряхнули прах с волос Приама и омыли, юноша приглашает его со спутниками к столу. Когда все насытились, Ахилл говорит: «Скажи мне теперь, Приам, по какой столь веской причине вы считаете нужным удерживать у себя Елену, а не отвергнете ее, как если бы имели дело с дурным предзнаменованием, при том, что ваши военные запасы со дня на день убывают, а бедствия и несчастья возрастают? Вы ведь знаете, что она предала родину, родителей и высокочтимых братьев²⁶, что является самым недостойным. Ведь они прокляв ее преступление, не вступили в военный союз, – разумеется, чтобы не содействовать возвращению на родину той, о невиновности которой и слышать не хотят²⁷. Так почему же вы, видя, что она вошла в ваш город бедой для всех, не выкинули ее? Почему не выпроводили с проклятиями за городские стены? А те старики, чьих сыновей день изо дня истребляют

²⁴ *Лишился успокоения.* – Ахилл, по мнению Диктиса, хочет сказать, что для души Патрокла были бы успокоением почетные похороны, но они, как известно, состоялись, так что всю эту напыщенную риторику надо отнестись на счет Диктиса.

²⁵ *Вошедшего Ахилла.* – Непонятно, куда он вошел, если вся предыдущая сцена происходила в его палатке.

²⁶ *Высокочтимых братьев.* – Кастора и Полидевка.

²⁷ От приглашении братьев Елены к войне другим источникам неизвестно.

битвы? Неужели они до сих пор не поняли, что именно она является причиной стольких смертей? Может быть, по воле богов ваш ум повредился настолько, что во всем городе не нашлось никого, кто, печальясь об общей гибели, не связал бы судьбу родины, клонящейся к упадку, с гибелью Елены? Что касается меня, то я из уважения к твоему возрасту и мольбам вождей верну тело и никогда не позволю себе сделать то, что ставится в вину врагам как порок»²⁸.

26. На это Приам с горестным стоном отвечает, что не без воли богов на людей обрушивается столько несчастий, потому что божество является источником блага и бед для смертного и не столько ему отпущено счастья, сколько насилия и враждебности. Впрочем, из всех царей он считал себя наисчастливейшим отцом пятидесяти сыновей от разных матерей вплоть до самого дня рождения Александра, избежать которого он не мог, несмотря на божественное предсказание. Ибо Гекуба, беременная им, увидела во сне, что родила факел, от которого запылала Ида и скоро пламя, распространившись на храмы богов, подожгло их и, наконец, весь город обратился в пепел, кроме не затронутых огнем и не поврежденных домов Антенора и Анхиса. Когда арусники²⁹ получили это известие и предсказали, что весь народ ожидает погибель, решено было убить младенца. Однако Гекуба из присущей женщинам жалости тайно передала его на воспитание пастухам на Иде. Не смогла она погубить его, уже повзрослевшего, когда дело открылось, будь он даже злейшим врагом, – настолько видным и статным он стал. Затем его, уже женатого на Эноне, охватило желание посетить дальние страны и царства. Из своих странствий привез он Елену, при том, что некое божество настойчиво возбуждало настроение всех граждан, а ему она и вовсе была в радость, и никто не решался ее отвергнуть, так как считал, что его лишат сына или кого-нибудь из ближайших родственников³⁰. Из всех противился один Антенор, благоразумный муж в мире и на войне, который сразу после возвращения Александра, решил отлучить от пенатов своего сына Главка за то, что он последовал за Александром в его свите. В остальном для Приама, поскольку все рушится, самое желанное, приблизиться к пределу жизни, оставив заботу об управлении царством; терзает его только мысль о Гекубе и дочерях, которые после гибели Трои окажутся пленницами неизвестного и надменного владыки.

27. Затем он велит показать юноше все, что привез для выкупа сына. Из этого Ахилл приказывает забрать золото, серебро и кое-что приглянувшееся из одежды; остальное, собрав вместе, дарит Поликсене и выдает тело. Получив выпрошенное тело сына, царь то ли в благодарность, то ли беспокоясь о дочери на случай, если падет Троя, обняв колени Ахилла, просит, чтобы тот позаботился о Поликсене и взял ее себе. В ответ юноша заметил, что в свое время обдумает и это; а пока велит ей возвращаться с отцом. Так Приам, получив тело Гектора, всходит на колесницу и вместе со свитой возвращается в Трою.

(Окончание следует)

²⁸ *Не позволю себе сделать.* – Слова эти не совсем согласуются с поведением Ахилла в конце гл. 14.

²⁹ *Арусники.* – Правильнее: гарусники; в Риме – прорицатели, предсказывавшие будущее по внутренностям жертвенных животных.

³⁰ Приам явно искажает картину, нарисованную в I. 7.